

ЛЕВ ЩЕГЛОВ

Записки сексолога

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 5

УДК 613.88
ББК 57.0
Щ33

Щеглов, Л.

Щ33 Записки сексолога / Лев Щеглов. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2025. — 192 с. — (Серия «Пальмира — психология»).

ISBN 978-5-517-10934-7

Лев Моисеевич Щеглов (1946–2020) — врач-сексопатолог и психотерапевт высшей квалификационной категории. В своих записках он вспоминает студенческие годы и выбор профессии, выдающихся учителей, рассуждает об отношении общества к сексу, о норме и не-норме, а главное — рассказывает небезынтересные и поучительные истории из своего профессионального опыта, поскольку люди, как справедливо замечает автор, все еще нуждаются в сексуальном просвещении и привитии сексуальной культуры.

УДК 613.88
ББК 57.0

ISBN 978-5-517-10934-7

© Щеглов Л. М., наследники, 2025
© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2025

Моим учителям посвящается

1

ПРОФЕССИЯ: СЕКСОЛОГ

*Жизнь можно понять
только назад, но жить
нужно только вперед.*

Зигмунд Фрейд

Почему
сексология

Чиновник из Горздрава
окинул меня насмешливым
взглядом и заявил в шут-
ливо-барском тоне:

— Юноша, ваши бумаги я
подпишу. Только ответьте на один вопрос: зачем
вам *это* надо? Вы сами себя собираетесь лечить?

Не помню, что я ответил шутнику-функционе-
ру, чья подпись под моим прошением разрешала мне
открыть первый в городе психотерапевтический
кабинет и начать прием «сексологических» па-
циентов.

Все дело в том, что этот заданный полушутя-
полусерьез вопрос я слышал не раз от куда более
тонких и культурных людей, чем вышеупомянутый
чиновник.

Почему я стал сексологом? Возможно, кому-то
хочется, чтобы я в ответ пробубнил, опустив очи долу:

— Я, понимаете, ну... всегда страдал от проблем с потенцией, а врачей не было. Вот и решил действовать по принципу «помоги себе сам».

Или:

— Секс в советское время считался темой запрещенной. Живой интерес к сему вопросу привлек меня в сексологию. Это был единственный способ удовлетворить любопытство...

Конечно, ни тот, ни другой ответ не соответствует действительности. Все было иначе, и к решению стать сексологом меня подвинул целый ряд интересных событий и счастливых знакомств.

К моменту окончания школы вопросом о выборе профессии я особо не задавался. Я твердо знал, что математика и физика — это не для меня. В старших классах я увлекся литературой и историей. Участвовал, и небезуспешно, в олимпиадах по гуманитарным предметам. Мы с моим близким товарищем (сейчас он профессор Невадского университета в США) решили поступать на философский факультет.

Само слово «философия» — любовь к мудрости — звучало для меня как сладчайшая музыка. Но тут, к счастью, вмешалась семья.

У каждого из моих родителей было по шесть братьев и сестер. Для принятия серьезных решений собирался родственный совет.

Мое намерение стать профессионалом в области мудрости послужило поводом для сбора такого совещания. И семья мой выбор не поддержала.

Дело было вовсе не в том, что никто из родственников до этого не решал посвятить себя философии. Да, мой отец служил начальником отдела на вагоноремонтном заводе. Мама работала также не в гуманитарной области, бухгалтером, хотя основное свое время посвящала воспитанию болезненных детей — меня и моей старшей сестры. Ум и образованность в семье ценили, родители много занимались нашим интеллектуальным развитием, и философия сама по себе реакции отторжения у них не вызывала...

Но вернемся к сцене семейного совета. Дядя — старший брат отца, — узнав, что я собираюсь пойти по стопам Канта и Ницше, воскликнул:

— Идиот! Ты просто боишься точных наук! Ты всю жизнь будешь заниматься философией ближайшего райкома партии!!!

Жаль, что печатное слово не способно передать всего своеобразия дядиной интонации.

Потом дядя добавил более спокойно:

— Вот врач — удобная профессия. Доктор — он и в зоне доктор. Медик *там* всегда оказывается в лучших условиях, чем все остальные.

Дядя был из «сидельцев», и эту разумную идею он выстрадал. Годы спустя я узнал, что тот же совет получил от матери и отчима писатель Василий Аксенов, с которым мне как-то довелось познакомиться. В том, что сидеть придется, ни у кого сомнений не возникало.

Шла первая половина 60-х годов — теперь уже легендарного времени хрущевской оттепели. В воз-

духе странно запахло чем-то новым, свежим. Гнетущий страх, заставлявший молчать много лет, частично улетучился. Теперь можно было даже посмеиваться над властями. Конечно, шутки сопровождались шиканьем и тыканьем пальцем в вертикальном направлении. Но все понимали, что подобные проявления осторожности несколько лет назад никого не спасли бы. Что-то стало *можно*. Вопрос только: что и до какой степени?

Режим стал менее кровавым. Но по-прежнему некуда было деться от марксистской идеологии. Во всех учебных заведениях выделялось огромное количество часов под преподавание «научного коммунизма». Я понял, что работы моих кумиров — Сократа, Цицерона, Фалеса — на философском факультете превратятся в небольшой раздел огромного, чугунно-марксистского учения.

В то же время еще яснее я осознавал, что никогда не смогу стать доктором в традиционном понимании — профессионалом со скальпелем или приборами для изучения болезней человеческого тела. Интерес к философии остался: по-прежнему меня больше волновал не организм человека, а его личность. С этой идеей я поступил в медицинский институт (сейчас этот вуз называется Медицинской академией им. Мечникова) и... напроочь забыл о науках на несколько лет. Меня увлекла студенческая жизнь.

Учеба отошла на второй план, ибо появились занятия поинтересней. Во-первых, стилижничество. Новые, только что купленные брюки безжалостно